

Никулин Виктор Васильевич

"РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТИХИЯ": МАССОВОЕ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

В статье рассматривается соотношение между формами поведения населения в революционных событиях 1917-1918 годов. Анализируются специфические формы девиантного поведения населения, показывается общее и особенное двух российских революций. Выявляются закономерности и последовательность развития массового девиантного поведения и причины, формы и последствия его проявления на различных этапах революционного процесса. Делается вывод о типичности массового девиантного поведения в революциях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 154-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

8. Карнишина Н. Г. Обер-прокурор синода К. П. Победоносцев: штрихи к портрету // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 24-30.
9. Карнишина Н. Г. Церковные реформы в России второй половины XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 34-40.
10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 230. Оп. 4393.
11. НИОР РГБ. Ф. 262. Оп. 22.
12. НИОР РГБ. Ф. 262. Оп. 50.
13. Новиков А. В. Российские консерваторы (М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев) и самодержавие (середина XIX – начало XX в.): дисс. ... к.и.н. М., 2001. 203 с.
14. Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов н/Д, 1998. 511 с.
15. Римский С. В. Церковная реформа 60-70-х годов XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 166-175.
16. Рункевич С. Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901. 320 с.
17. Столетний юбилей // Саратовский дневник. 1893. № 193.
18. Фриз Г. Л. Церковь, религия и политическая культура на закате старой России // История СССР. 1991. № 2. С. 109-115.

RELIGIOUS COMMUNITIES AND UNIONS IN SOCIAL SPACE OF SARATOV AND PENZA PROVINCES IN THE 1860-1880S

Mitrofanov Aleksei Vladimirovich

Bar № 19 in Penza

aquanice@bk.ru

The article deals with religious communities and unions in the social space of Saratov and Penza provinces in the 1860-1880s. The author shows that the Russian Orthodox Church and the representatives of other beliefs made a significant contribution to the establishment of a number of public organizations. The clergy was occupied with pastoral care and spiritual enlightenment and hence offered their mite to the development of the sociocultural processes of the Russian provinces.

Key words and phrases: Church; religion; confession; public organizations; social discourse; society; community; Saratov province; Penza province.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается соотношение между формами поведения населения в революционных событиях 1917-1918 годов. Анализируются специфические формы девиантного поведения населения, показывается общее и особенное двух российских революций. Выявляются закономерности и последовательность развития массового девиантного поведения и причины, формы и последствия его проявления на различных этапах революционного процесса. Делается вывод о типичности массового девиантного поведения в революциях.

Ключевые слова и фразы: революция; девиантное поведение; толпа; преступность; погромы; террор; насилие; закон; массовое сознание.

Никулин Виктор Васильевич, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет

viktor.nikulin@mail.ru

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТИХИЯ»: МАССОВОЕ ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА

Девиантное поведение юридической наукой понимается как поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространённых и устоявшихся норм в определённых сообществах и в определённый период их развития [1]. Особенно усиливаются проявления девиантного поведения в революционные периоды. Не стали исключением и две российские революции 1917 года, когда девиантное поведение было повсеместным, формы его проявления принимали массовый характер, поведение масс становилось подвижным и изменчивым.

В этом смысле проявления массового революционного девиантного поведения совпадают с теорией П. Сорокина о трех фазах революции. Первую фазу он описывает как кратковременную, характеризующуюся радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданием обещанных реформ. На смену ей приходит вторая, деструктивная фаза, в людях просыпается «наихудший из зверей». Великая революция превращается в ужасающий шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути, она безжалостно искореняет не только обветшалые, но и жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп. Революционное правительство на этой стадии безжалостно, тиранично и подчас кровожадно, а его политика

преимущественно деструктивна, насильственна и террористична. И если случается, что торнадо второй фазы не успевает до основания разрушить нацию, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу [8, с. 223]. Эти фазы были характерны и для русских революций 1917 года, правда, с одной оговоркой – февральская революция прошла в своем развитии лишь две фазы, не успев развиться до третьей. В России фактор девиантного поведения усугублялся тем, что оно проявилось за короткий период дважды – в феврале и октябре 1917 года, хотя очевидны и особенности каждой из революций. Если в формах девиантного поведения российские революции совпадали, то в их продолжительности и жестокости массовых проявлений вторая революция была жестче.

Российские революции подтвердили закономерность, что всякое революционное явление связано с таким особым явлением, как «толпа». В психологической литературе под толпой понимается «неорганизованное скопление людей, не объединенных общностью целей и единой организационно-ролевой структурой, но связанных между собой общим центром внимания и эмоциональным состоянием» [7, с. 57]. Опасность толпы для общественного порядка состоит в том, что она наделена радикальной формой коллективного стихийного поведения, определяемой как «психология толпы». «Основное качество данного психологического состояния – экстремизм, эмоциональное, агрессивное, единодушное, противоправное действие» [10, с. 41]. В период революционных потрясений «толпа» пытается решить социальные проблемы быстро и насильственным путем, ее действия сопряжены с агрессивностью в отношении представителей прежней власти. Высок в действиях толпы и меркантильный мотив, когда поступки массы людей обусловлены стремлением к грабежу, мародерству. И еще одно немаловажное свойство толпы – это ее восприимчивость к внушению, отсутствие критических способностей, когда нерациональные (утопические) идеи принимаются как абсолютная истина, а рациональные идеи решительно отвергаются. Человеческая масса (толпа), по выражению Фрейда, находится под гипнозом. Они не жаждут истины, они требуют иллюзий, без которых они не могут жить [9]. Этим качеством толпы, как правило, активно пользуются политические партии, подстрекающие толпу на массовые беспорядки ради достижения политического результата.

Обе российские революции начались именно с проявлений «толпы», характерной чертой поведения которой были девиантные отклонения. Причем проявление такого поведения имеет определенную последовательность и начинается с пьяных погромов. Уже в первый день февральской революции, 27 февраля на улицах Петербурга начался грабеж винных магазинов, пресечь который было некому, поскольку полиция как государственный институт перестала существовать. Следующим этапом стали беспричинные массовые убийства офицеров и жандармов. Значительно усилил агрессивность солдатских масс приказ Советов № 1 от 1 марта 1917 г., уравнивавший в правах солдат и офицеров. Жестокость толпы достигла предела. В Кронштадте были убиты адмирал Вирен и многие офицеры. Офицеров безжалостно забивали подобно овцам. Народ гулял, словно на пасху [8, с. 228].

Далее последовало обострение криминогенной обстановки. В марте 1917 г. Временное правительство провело три амнистии – политическую, военную и уголовную. Причем уголовная амнистия носила широкий и недифференцированный характер и коснулась более 88 тыс. заключенных, из которых уголовные преступники составили 67,8 тыс. человек [6, с. 79]. Кроме того, определенное количество уголовного элемента вышло из мест заключения в результате стихийных захватов тюрем и освобождения заключенных. И эти выпущенные на волю «птенцы Керенского», как их прозвали в народе, хлынули в крупные города. В совокупности с огромной массой дезертиров, скопившихся в городах, они образовали «криминальную толпу» – неорганизованную массу людей, находившуюся в состоянии полной вседозволенности и распушенности. Рост преступности имел беспрецедентный характер. Ограбления магазинов вошли в норму. Вся коммерческая жизнь замерла. Днем и ночью раздавались выстрелы. Сумасшествие и грабеж распространялись по городам и селам [8, с. 244].

Противостоять преступности было некому, полиция была фактически разгромлена, многие полицейские, агенты и осведомители были расстреляны по спискам, обнаруженным в отделениях полиции. Робкие же попытки временного правительства восстановить порядок (учреждение милиции из числа студентов-добровольцев и т.п.) ничего не давали в борьбе с преступностью.

Летом 1917 г. волна погромов началась в провинции. Становились массовыми типичные формы девиантного поведения: захваты частных усадеб, поджоги и грабежи, самосуды, погромы. В Липецке, Новочеркасске и других городах были разгромлены винные склады. В стране воцарился правовой хаос, приведший к дезорганизации всей социальной жизни населения.

Практически синхронно разворачивались события в октябре 1917 г. Как и в феврале все началось с погромов винных складов в столице и в провинции. Одновременно начались эксцессы внесудебной расправы. Весь конец 1917 г. происходили стихийные расправы над чиновниками царского режима, чинами полиции, интеллигенцией, дворянами, офицерами и над всеми теми, кого толпа хотя бы в малейшей степени ассоциировала с прежней властью. Толпой были убиты бывший премьер-министр И. Горемыкин, бывший начальник генштаба генерал Н. Янушкевич, генерал Н. Духонин, лидер кадетов А. Шингарев и другие.

Аналогичными событиями весны 1917 г. были и другие формы девиантного поведения: захваты частных усадеб, поджоги и грабежи, самосуды, погромы. Города вновь заполнил выпущенный из тюрем и каторг преступный элемент, объявленный «жертвой царизма». Толпы преступников бродили по улицам, сея страх и ощущение незащищенности. Стабилизировать ситуацию в какой-то мере удалось с помощью введения в Петрограде 6 декабря осадного положения с предупреждением о применении расстрела в случаях погромов.

Безусловно, две российские революции отличались друг от друга. Так, февральская революция была быстротечна и относительно бескровна, события затронули в основном крупные города и не имели заметного влияния на провинцию. Октябрьская же революция отличалась гораздо большей продолжительностью, несравнимым кровопролитием и жесткостью, хаос и колоссальный рост преступности охватили практически все регионы страны. Поэтому массовое девиантное поведение носило более продолжительный характер.

Отличительной чертой октябрьской революции следует считать и избранный большевиками метод борьбы с проявлениями девиантного поведения – массовый государственный террор. После октября 1917 г. власть в своей наивности в отношении своей политической безгрешности и истинности уповала на то, что скоро массы поймут ее предназначение и встанут на ее сторону, в стране воцарятся порядок и справедливость. Но вскоре стало очевидным, что большевики явно преувеличивали вероятную степень их поддержки населением. Поддержка оказалась не столь широкой и активной, на которую они рассчитывали, а беспорядочное, хаотичное состояние общества только усиливалось. Крестьяне недовольны, рабочие бастуют, растут хаос и преступность. Армия выходит из подчинения, приказы высшего руководства игнорируются. По утверждению Троцкого, из 10 приказов 8 не выполняются членами партии из-за принципа (каждый себе начальник), девятый – из-за лени [2, д. 8, л. 18]. Как остановить опасное для государства развитие событий? Поначалу речь шла о необходимости вселить в массы идею законности, порядка, диктаторского применения закона, когда «за нарушение закона или воспрепятствование его применению надо карать жестко и беспощадно» [Там же, л. 24а]. Но вскоре в руководстве большевиков под влиянием ухудшавшейся обстановки в стране происходит психологический перелом. Остановить опасные тенденции можно только одним средством – террором. 14 января 1918 г. на совещании Президиума Петроградского совета по вопросу о борьбе с голодом Ленин говорит о необходимости террора как о практической задаче: «Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме них самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна... пока мы не применим террора – расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не выйдет. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно – расстреливать на месте» [5, с. 311]. В начале 1918 г. последовали и первые законодательные акты, подтверждавшие ужесточение позиции властей. В феврале 1918 г. вводится смертная казнь. Статья 8-я манифеста СНК «Социалистическое отечество в опасности» (февраль 1918 г.) устанавливала: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» [4, с. 490-491]. Насилие распространяется на все более широкие слои населения, а масштабы расстрелов стали приобретать все более широкий размах. Приказы о расстрелах издавались не только центральными органами, но и местными комитетами. В Калужской губернии за неуплату контрибуции, наложенной на богатых, в Вятке за выход из дому после 8 часов, в Брянске за пьянство, в Тамбове за антисоветскую агитацию. Нарастание насильственных эксцессов свидетельствовало о начале развития новой тенденции – создавались условия для произвола и усмотрения отдельных лиц, узаконивания расстрела без суда, самосуд начал входить в повседневную жизнь, несмотря на то, что II съезд Советов отменил смертную казнь навсегда. Можно констатировать, что период от января до августа 1918 г. был периодом фактического, хотя и неофициального террора.

Еще одна особенность октябрьской революции состояла в том, что многие проявления девиантного поведения провоцировались большевиками, которые своими лозунгами пробуждали радикальные устремления, что открывало широкий простор для любых видов девиантности, в том числе и социально-патологических. В этих условиях каждый функционер и даже отдельный индивид-революционер считал вправе осуществлять любые действия, исходя из своих интересов и представлений. Это, в свою очередь, порождало безвластие и правовой хаос, действия самой власти носили характер незаконности, а многие органы власти, по признанию самих большевиков, «представляли собой скопище саботажников и бандитов» [3, д. 7, л. 15].

Любая революция является беспрецедентным по своим социальным и психологическим последствиям феноменом, меняющим и социальную действительность, и общественное сознание. Революционные события всегда сопровождаются резким всплеском девиантного поведения населения, что говорит о системности данного явления. На примере двух российских революций 1917 г. можно выделить несколько общих форм массового девиантного поведения населения в период революционных событий. Они следуют одна за другой и их можно определить как закономерные. Первая – общая агрессивность и конкретная агрессия против «бывших», людей в той или иной степени олицетворявших бывший режим, проявлявшаяся в стихийных и бессознательных убийствах. Вторая – стремление получить от революции немедленную материальную выгоду, что ведет к массовым погромам, реквизициям государственного и частного имущества. Третья – резкое увеличение общеуголовной преступности, связанное с активизацией криминалитета. Четвертая – максимальная политизация социальных проблем и соответственно масс населения, которая, с одной стороны, есть результат недовольства масс своим положением, с другой – результат деятельности революционной партии, которая в стремлении достичь своих целей использует социально-обличительную политическую риторику, тем самым возбуждая толпу и повышая градус ее агрессивности. В результате революционная партия явным (расшатывая ситуацию) или неявным (неконтролируемое массовое и индивидуальное поведение) образом способствует росту девиантного поведения. Пятая – переход на определенном этапе революции государства к террористическим методам подавления девиантного поведения, что связано с утратой иллюзии всеобщей поддержки населением революционной партии.

Как общий итог для революций следует рассматривать неизбежно наступающий в государстве правовой хаос, что ведет к дезорганизации всей жизни населения. Развал прежней системы управления и правовой

системы делает невозможным контроль поведения населения, которое, освободившись от угрозы наказания за неправомерное поведение, перестает следовать прежним ценностям и шаблонам. Таким образом, решающее влияние на всплеск девиантного поведения оказывает вседозволенность как неизбежное следствие развала правовой системы.

События двух российских революций 1917 г. синхронны по проявлениям девиантного поведения, что подчеркивает их закономерность. Революционный девиантный тип социально-индивидуального поведения, с одной стороны, – это, безусловно, социальная аномалия, имеющая временный характер, с другой, – это поведенческая реакция населения на резкое изменение условий жизни и наступление морального (разрушение ценностей и идеалов традиционного государства) и правового (разрушение системы обеспечения законности и правопорядка) хаоса. Определенная часть населения считает возможным в этих условиях изменить свою «социальную неустроенность». Массовое девиантное поведение характерно для периодов социальных потрясений, в стабильные периоды оно носит индивидуальный характер.

Необходимо также подчеркнуть, что во всякой революции, не были исключениями в этом смысле и российские революции, вскрываются глубинные черты массового сознания, определяющие отношение населения к прошлой власти. Они слабо выражены во времена стабильности, но обнажаются во времена революционных коллизий. Это – отличительная черта коллективного сознания и поведения, которая воспроизводится в эпохи революций и смут. Данное обстоятельство приводит к мысли о том, что хотя по характеру проявления массовое девиантное поведение есть вспышка, мгновенная реакция на социальные потрясения, тем не менее, зародыш массового девиантного поведения появляется в предшествующем обществе, когда зреет недовольство режимом, он утрачивает влияние, официальная идеология уже не целиком определяет воззрения и поступки человека.

Еще один аспект проблемы заключается в том, что в революционных условиях девиантность приобретает тотальный характер, распространяясь на различные сферы жизнедеятельности общества – экономику и идеологию, политику и культуру, право и мораль. Проявления массовой девиантности происходят до тех пор, пока новая власть путем жестких, даже террористических методов не возьмет поведение масс под контроль. Затем уже в условиях относительной стабильности создается новая система ценностных норм и поведенческих моделей, приспособленная к потребностям нового общественного устройства.

Список литературы

1. **Барихин А. Б.** Большой юридический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bukoteka.ru/item/66137> (дата обращения: 15.04.2015).
2. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области** (ГАСПИТО). Ф. 840. Оп. 1.
3. **Государственный архив Тамбовской области** (ГАТО). Ф. Р-5201. Оп. 2.
4. **Декреты Советской власти**: сборник документов: в 5-ти т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. Т. I. 535 с.
5. **Ленин В. И.** Выступление по вопросу о мерах борьбы с голодом // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1974. Т. 35.
6. **Мусаев В. И.** Преступность в Петрограде в 1917-1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Издательство Дмитрия Буланина, 2001. 208 с.
7. **Назаретян А. П.** Антропология насилия и культура самоорганизации: очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
8. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
9. **Фрейд З.** Массовая психология и анализ человеческого «Я» [Электронный ресурс]. URL: <http://psychoanalysis.pro/1248/freud-massovaya-psihologiya-analiz-ya> (дата обращения: 15.04.2015).
10. **Шерковин Ю. А.** Социальная психология. М.: Политиздат, 1975. 181 с.

“REVOLUTIONARY ELEMENT”: MASS DEVIANT BEHAVIOUR IN RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917

Nikulin Viktor Vasil'evich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
viktor.nikulin@mail.ru

The article discusses relationship between the forms of population's behaviour in the revolutionary events of 1917-1918. It analyzes the specific forms of the deviant behaviour of the population, shows the common and specific features of two Russian revolutions. The paper also identifies the regularities and succession of the development of mass deviant behaviour and the causes, forms and consequences of its manifestation at different stages of the revolutionary process. The author comes to the conclusion about the typicality of mass deviant behaviour in revolutions.

Key words and phrases: revolution; deviant behaviour; crowd; crime; pogroms; terror; violence; law; mass consciousness.